

Научная статья

УДК 81.0

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10921

ПРИНЦИП КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА

Наталья Викторовна Монгилёва^{1✉}, Роза Сейтхановна Муханбетжанова²

^{1,2} Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан

¹ 77772456222@mail.ru✉, ORCID 0000-0002-2150-2312

² rose_19_93@mail.ru

Аннотация. В дискурсивном процессе говорящий вовлечен в ситуацию выбора средства интерпретации личностного смысла. Выбор средства интерпретации происходит из неограниченного ресурса языковых средств, но имеет пределы социокультурной природы: знания и представления о наиболее релевантных способах достичь целей коммуникации в типичных ситуациях. В системе ориентиров дискурсивной деятельности говорящего важное место занимает принцип конвенциональной значимости, погружающий селекцию вариантов в дихотомию *значимость для себя / значимость для других*. Первый компонент дихотомии означает актуализацию концептуального содержания, вызванного перцептивными и эмоционально-оценочными процессами, второй — сглаживает смысловые оттенки содержания ориентацией на коллективное установление. Ориентирование на принцип конвенциональной значимости было проанализировано на материале переводческого эксперимента с участием казахских и русских респондентов. Переводческие решения казахских респондентов продемонстрировали регулятивное влияние представлений об общем/допустимом/принятом в социокультурной среде.

Ключевые слова: дискурсивный процесс, выбор средства интерпретации, принцип конвенциональной значимости, переводческий эксперимент

Для цитирования: Монгилёва Н. В., Муханбетжанова Р. С. Принцип конвенциональной значимости в формировании дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 161—168. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10921.

Original article

THE PRINCIPLE OF CONVENTIONAL SIGNIFICANCE IN THE FORMATION OF DISCOURSE

Natalya V. Mongilyova^{1✉}, Rosa S. Mukhanbetzhanova²

^{1,2} A. Baitursynov Kostanay regional University, Kostanay, Kazakhstan

¹ 77772456222@mail.ru✉, ORCID 0000-0002-2150-2312

² rose_19_93@mail.ru

Abstract. The speaker is the one who involved in choosing ways of interpreting personal meaning in the discursive process. The choice of interpretation methods comes from an unlimited resource of linguistic means. But it has limits of a social and cultural nature: knowledge and ideas about the most relevant ways to achieve communication goals in typical situations. The important role in the system of reference points of the speaker's discursive activity has principle of conventional significance. It immerses the selection of options in the dichotomy of significance for oneself/significance for others. The first component of the dichotomy means the actualization of the conceptual content caused by perceptual and emotional-evaluative processes. The second component smooths out the semantic shades of the content by focusing on a collective establishment. Orientation to the principle of conventional significance was analyzed on the material of a translation experiment with the participation of Kazakh and Russian respondents. The translation decisions of the Kazakh respondents demonstrated the regulatory influence of ideas about the general / allowable / accepted in the social and cultural environment.

Keywords: discursive process, choice for consumption methods, principle of conventional sensory, translation experiment

For citation: Mongilyova NV, Mukhanbetjanova RS. The principle of conventional significance in the formation of discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):161-168. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10921.

Введение

Данная работа посвящена проблеме выбора варианта интерпретации говорящим в дискурсивном процессе и принципу конвенциональной значимости, ориентирующему этот выбор. А. А. Кибрик определяет дискурс как единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста, дискурс есть языковая реальность, осуществляемая в конкретных образцах языкового взаимодействия [6. С. 4]. Методологическая установка на единство дискурса и высказываний/текстов как процесса и его результата позволяет делать выводы о регулярных явлениях, наблюдаемых в образцах языкового взаимодействия, как о парадигмальных контурах развертывания дискурса. Введение в анализ динамики дискурсивного процесса влечет акценты на активность говорящего субъекта, его акциональную позицию. Так, для А. В. Вдовиченко именно личное актуальное действие является условием возникновения значения в дискурсе [3. С. 23]. Субъектный принцип порождения дискурса и его специфики [4] не подлежит сомнению, именно интенциональность субъекта оказывается ведущим фактором, определяющим контекст коммуникативной ситуации [2], спаивающим значение языкового знака и личностный смысл [1]. Согласно О. А. Алимурадову, интенциональность, определяемая как направленность перцептивной и мыслительной активности, устанавливает многоплановую систему корреляции между значением, смыслом и концептом как содержанием, вызываемым формой [1. С. 3]. Но стоит отметить, что понимание дискурса как динамического процесса языкового взаимодействия акцентирует также и направленность субъектной активности на цель коммуникации. Целеполагание реализует интенцию говорящего, а в контексте коммуникативной ситуации именно цели каждого из участников определяют содержание и языковые средства, релевантные актуальной ситуации. По мнению Й. Златева, целеполагание говорящего и слушающего становятся причиной порождения значимости языкового средства [16. С. 10]. Следствием этого языковые средства, используемые говорящим, не просто релевантны коммуникативной ситуации, они проходят сквозь призму коллективной конвенции.

В этом ракурсе становится очевидным противоречие, сопровождающее выбор языкового средства, между ориентированием на личное переживание коммуникативной ситуации и необходимостью использования средств, отвечающих требованиям конвенциональности подобным ситуациям языкового взаимодействия. Результатом конвенции являются все типизированные явления дискурса, закрепленные на уровне обыденного, нормативного и привычного [2; 4; 12; 13; 15]. О. В. Магировская утверждает, что каждый участник коммуникации выступает одновременно субъектом дискурсивного знания и субъектом дискурсивной организации знаний [7]. Если первое означает способность говорящего конструировать фрагмент дискурса относительно личностного содержания, то второе касается знаний и представлений о том, что релевантно в данный момент коммуникации, и о способе репрезентации релевантного. Знания о дискурсивной организации особого рода и обеспечивает целостную организацию дискурса [7. С. 267—272].

Таким образом, высказывание есть результат действия в дискурсивном процессе субъекта, погруженного в разнонаправленные ориентиры: 1) личностную значимость или *значимость для себя*, определяемую интенциональностью и целеполаганием; 2) коллективную конвенцию или *значимость для других*, установленную лингвокультурой и языковым опытом. В коммуникативной ситуации языковой знак трансформируется в речевой знак, воплощая ориентирование говорящего в коммуникативной среде, сформированной прежними речевыми взаимодействиями. Так, идея субъектности дискурса коррелирует со знаниями об общем/типичном/приемлемом/должном для участников коммуникации как членов лингвокультурного социума, а также со знаниями о наиболее релевантных способах быть понятым и достичь цели коммуникации.

Методы и приемы анализа данных, материал исследования

Материалом исследования послужили переводы публицистического текста на французском языке, сделанные русскими и казахскими респондентами (15 переводов на русский язык и 15 на казахский).

Респондентам был предложен отрывок из статьи *Il m'aime, mais ne veut pas s'engager...* [размещен на сайте: <https://www.femmeactuelle.fr/amour/couple/engagement-couple-26920> (дата обращения 29.01.2022)]. В статье описывается проблема любящих друг друга, возникающая при расхождении намерений партнеров: один хочет переходить на новый уровень отношений, например, иметь общее жилье, завести детей, а другого устраивает текущая ситуация. Некоторые результаты анализа частично освещены в нашей статье [8]. В данной статье фокус внимания направлен на переводческие решения, соответствующие существительным *partenaire* — *personne avec qui on forme un couple* (человек, с которым составляют пару); *personne avec qui on a des relations sexuelles* (человек, с которым имеют сексуальные отношения); ***couple*** — *ensemble de deux personnes unies par les liens de l'amour, du mariage* (союз двух людей, объединенных связями любви или брака) [11; 13], а также варианты перевода лексем *s'engager*, *engagement (m)* и *non-engagement (m)*, использованные в тексте оригинала для репрезентации смысла о стремлении изменить отношения. В работе использованы *метод анализа концептуального содержания*, выразившийся в определении профилированного аспекта значения и концептуальной фоновой области в значении лексемы — результата выбора респондентами средства интерпретации смысла, заданного ситуацией перевода; *метод сопоставительного анализа* в сравнении переводческих решений русских и казахских респондентов для выявления пределов, заданных конвенциональными установками родной лингвокультуры; *метод компонентного анализа* для определения семантических компонентов значения, внесенных респондентами в процессе переводческого решения; *метод культурного комментария* в объяснении предпочтений одних лексических средств другим потенциально возможным. Исходя из утверждения о том, что лингвокультура любого языка имеет достаточную палитру языковых средств для передачи любого концептуального содержания, *гипотезой данной работы стало предположение, что выбор респондентами средства интерпретации смысла имеет пределы социокультурной природы*.

Механизм референции осуществляет соотнесение компонентов речевых высказываний с внеязыковой действительностью, ситуациями, событиями в индивидуальном и каждый раз новом их понимании говорящим. По словам Е. В. Падучевой, референция связана с индивидуализацией

объектов и указывает связь внеязыкового объекта с тем речевым актом, о котором в нем идет речь [9]. Референтность, согласно О. Б. Йокояма, включает обязательно субъективную убежденность говорящего в праве соотнести «пучок признаков» и определенное референтное средство [5. С. 33—34]. Реферлируемые объекты могут быть различной природы. С. В. Постникова предлагает различать экстенциональную и интенциональную референцию в зависимости от доминирования денотативного или сигнификативного аспектов значения [10. С. 205]. Интенциональная референция соотносит языковые выражения через языковые значения с концептуальными единицами более высокой степени абстракции, сущность которых составляют обобщенная совокупность признаков и свойств. Лексические средства, выбранные для анализа, являются референтами двух типов, *partenaire* и *couple* имеют четко выраженные денотаты, *s'engager*, *engagement* и *non-engagement* являются единицами высокой степени обобщения.

Анализ референции экстенционального объекта

Казалось бы, что экстенциональный объект речи не должен вызывать трудности в реализации механизмов референции, так как означиванию подлежит реально существующий объект с конвенционально закрепленными за ним средствами. Так и произошло в переводческих реакциях русских респондентов. Во фразе *Comprendre les réticences de son partenaire* вариативность выбора средства референции для *partenaire* отразилась в *партнера / своего партнера / вашего партнера*. Респонденты не испытывали трудностей в передаче заданного содержания, выбор коснулся лишь предпочтения выделить отношения отстраненной принадлежности *своего* или усилить адресность фразы через форму второго лица притяжательного местоимения *вашего*. Однако в той же ситуации реакции казахских респондентов показали большое количество вариантов, что свидетельствует о влиянии определенных факторов на выбор релевантного средства. Некоторые использовали лексемы *жар (жених)* и *жұп (супруг)*, которые актуализируют концептуальную область «семейные отношения» для профилирования значения: *Жұбыңыздың қалауын түсіну / Болашақ жарыңыздың қалауын біліңіз*. Варианты *болашақ жар (будущий жених)* и *сіздің жұбыңыз (ваша семейная пара)* имеют максимально положительную коннотацию, закрепленную традицией: обе лексемы используются в свадебном ритуале. Так,

Жар-жар название свадебной ритуальной песни, *жұп* используется для обозначения молодой семьи в свадебных пожеланиях *Жұбыңмен қоса ағар (благих прибавлений семье)* (данное пожелание традиционно произносится старшими гостями). В одном переводе было использовано существительное *жолдас друг*, которое означает человека, с которым имеются дружеские отношения, также *жолдас* может быть использовано в повседневном общении для обозначения супруга/супруги, то есть для профилирования привлечена область «дружеские, повседневные отношения». В нескольких реакциях респонденты в стремлении воспроизвести лексему *partenaire партнер* выбрали *серіктес (соучастник, партнер по бизнесу)* (в трех ответах) и *әріптес (коллега)* (один ответ), что означает актуализацию концептуальной области «деловые отношения» в качестве фона. Поиск происходил с привлечением схожих коммуникативных ситуаций о взаимодействии двух людей: семейные взаимодействия и деловые отношения. В комментариях, данных после перевода, на вопрос о возможности использовать лексему *көңілдеc* для означивания человека, с которым говорящий имеет интимные отношения (от *көңіл душевное настроение, желание*), респонденты отвечали, что высказывание с этой лексемой приобрело бы коннотацию несерьезности, временности отношений, что противоречило бы общему замыслу статьи, где речь идет о намерении продолжить отношения. На вопрос о возможности использовать в казахском переводе русскоязычное слово *партнер*, респонденты также исключили этот вариант, по их словам, возникает ассоциация *сексуальный партнер*, что было бы неприемлемо.

Разнообразии переводных вариантов демонстрируют погруженность процесса выбора средства референции одновременно по *значимости для себя и значимости для других*. *Болашақ жар (будущий жених)* — попытка сконструировать собственный ситуативно обусловленный вариант, близкий по значению, путем метонимического проецирования концептуальных областей по причинно-следственным связям (если люди испытывают взаимные чувства, имеют отношения, значит намерены вступить в брак). Варианты *серіктес соучастник, партнер по бизнесу и әріптес коллега* позволили сгладить нежелательный смысл об интимных отношениях в контексте высказывания за счет профилирования смысла о взаимоотношениях людей на фоне другой концептуальной области, за счет знаний о том, где также возможно взаимодействие молодого чело-

века и девушки. Респонденты направили поиск не в сферу личного понимания французской фразы, а в область коллективной конвенции, на референциальные средства, возможные в подобных ситуациях.

Равным образом во фразе *Apprenez à vivre pour vous et non pas pour votre couple*, было необходимо подобрать эквивалент для *couple* — *ensemble de deux personnes unies par les liens de l'amour, du mariage (союз двух людей, объединенных связями любви или брака)*. Большинство респондентов-казахов, использовали форму *жұп*, поместив выражение в контекст семейных отношений (четыре ответа). Единичными вариантами стали *ерлі-зайыпты (благочестивый)*, *жолдас друг, серік (соучастник)*. Три респондента опустили часть фразы со словом *couple*, сократив перевод до *Өзіңіз үшін өмір сүруді үйреніңіз (для себя жить научитесь)*. Русские респонденты в большинстве использовали *для вашей пары*, форму, объединяющей двух человек в одно целое. Если внимание смещалось на одного человека, партнера, было использовано *для вашего партнера / для своего партнера / ради кого-то*. Единичными вариантами стали *для того, чтобы выйти замуж и для ваших отношений*.

Анализ референции интенционального объекта

Ориентирование в условиях оппозиции *значимость для себя / значимость для других* проявилось в поиске вариантов для единиц *s'engager, engagement (m) и non-engagement (m)*. Этимология данных форм восходит к корневой морфеме *gage (m) залог, вклад*. Перевод *s'engager* по данным словаря Реверсо-контексто — *участвовать, встать, вступить, начать, включиться, продвигаться, брать на себя обязательства и т. д.* [14]. Соответственно, *engagement (m) и non-engagement (m)* — результат / отсутствие результата этого действия — *приверженность, обязательство, участие, готовность и т. д.* В тексте, предложенном для респондентов, форма *s'engager* дана в заголовке текста *Il m'aime, mais ne veut pas s'engager*, который полностью дублируется в зачине текста, подзаголовке одного из разделов *Ça veut dire quoi «s'engager»* и во фразе *Il vous aime, mais ne souhaite pas s'engager / pour s'engager il faut avoir confiance l'un en l'autre*. Несколько строк текста посвящены разъяснению, что понимает автор статьи под этим словом *Elisabeth Couzon, psychologue, rappelle que s'engager, c'est aussi «prendre des risques, et accepter d'avoir confiance en soi, en l'autre et en la*

vie. Существительное *engagement* используется в тексте в сочетаниях *les raisons possibles de son non-engagement / cette question d'engagement / des petits engagements au quotidien*. Анализ лексикографических данных ресурса CNRTL [11] и словаря Larousse [13] дает следующее: *engager*, имея в буквальном значении «помещение объекта в предназначенную форму» вставляет в паз, расширяет значение в сферу социальных действий: 1) процесс соглашения об услуге или моральном обязательстве; 2) процесс продолжения движения в одном направлении, 3) участия в чем-либо, запрошенного или предоставленного в данной ситуации. Как переносное значение формы *s'engager* указано: 1) *poser un acte volontaire effectif*; 2) *participer, par une option conforme à ses convictions profondes et en assumant les risques de l'action, à la vie sociale, politique, intellectuelle ou religieuse de son temps*.

Итак, форма *S'engager* актуализирует сегмент знаний об отношениях между любящими людьми через представление о совместном действии, предприятии, участие в котором предполагает планирование совместных действий, взаимные обязательства и взаимную заинтересованность в успехе. На фоне концептуальной области «взаимодействие между людьми» (в самом общем его понимании) *S'engager* профилирует смысл о заинтересованности в благополучии партнера, об обоюдной заинтересованности, о личной ответственности за комфорт партнера в отношениях через метафорическое переосмысление деловых отношений, совместного предприятия.

Для респондентов данный способ означивания не был воспринят как метафорический, они не пытались воспроизвести или придумать свою метафору. Наиболее частотным вариантом в русских переводах стали *s'engager* — *брать (взять) на себя обязательства* (19 использований), *обязательства* (10), *брать (взять) на себя ответственность / стать (быть) ответственным* (9 использований). Наиболее частотными вариантами в казахских переводах стали *жауапкершілік (ответственность)*, *өзіне жауапкершілікті алу (взять на себя ответственность)*, *міндеттеме (обязанность)*, *міндеттемелерді мойнына алу (взять на себя обязанность)*. Частотность выбора *обязательства/ответственность* и *жауапкершілік/міндеттеме* свидетельствует о значимости данных вариантов для многих членов социокультурной общности, и об общей (не субъективной) конвенциональности вариантов *обязательства, ответственность, жауапкершілік,*

міндеттеме для сегмента опыта, актуализированного единицей *s'engager*. Оттенки значения данной единицы нивелировались в смыслы исполнения долга по внешним или внутренним обстоятельствам. В русских переводах более частотным было использование формы *обязанность*, профилирующей зависимость от внешних обстоятельств, в казахских *жауапкершілікті (ответственность)* профилирующей зависимость от внутренних состояний. Одинаковый выбор демонстрирует не идентичность понимания коммуникативной ситуации, переживание смысла у каждого свое, а сходное представление о конвенциональности референтного средства для данной коммуникативной ситуации. Другим частотным выбором были формы *жениться / вступить в брак / официальный брак / официально оформить* (12 использований), в казахских переводах *үйлену (жениться)*, *атастыру (помолвиться, по-свататься)*, *отбасын құру (строить семью)*, что является переосмыслением ситуации по причинно-следственным связям. Этот способ выбрали несколько респондентов, следовательно, речь идет о варианте, согласующемся с конвенцией, социальными стереотипами о положительном развитии ситуации взаимоотношений между двумя людьми. Но при этом единицы, реализующие социальную конвенцию, оказались многочисленными. Опорной точкой референции стало социально значимое, институционально подкрепленное действие (регистрация брака), но выбор конкретной единицы совершался каждым.

Единичные варианты отражают попытку сконструировать форму, максимально подходящую контексту фразы с учетом индивидуального понимания всего текста, что означает ориентирование прежде всего на личное представление коммуникативной ситуации и поиск формы по *значимости для себя*. В русских переводах *s'engager* таковыми стали: *связать свою жизнь с другим человеком, что-либо решать, заниматься, быть вовлеченным, принимать участие, включиться в диалог*. Единичные выборы в казахских переводах: *тартылу (тянуться / быть привлеченным)*; *Ол сізді жақсы көреді, бірақ ол сізге тартылмай ма, адал болу (быть любимым)*, *араласқызу (участвовать/общаться)*; *Ол мені жақсы көреді, бірақ араласқысы келмейді / Сіз өзіңіздің өміріңізді бөлісетін адаммен араласқыңыз келмесе, оны қалай жасайсыз, бірге тұру (вместе жить)*. Русские респонденты в четырех ответах использовали единицу *обременять себя*, профилирующей смысл трудностей через образ тяжелой ноши,

отягощения. У казахских респондентов смысловой компонент о трудностях отношений проявился только в виде оттенка значения. Выражения *өзіне жауапкершілікті алу (взять на себя ответственность)* и *міндеттемелерді алу (взять на себя обязательства)* во многих случаях были дополнены *мойнына (на свою шею)*, например, *Ол мені жақсы көреді, бірақ өз мойнына жауапкершілікті алғысы келмейді, Ол мені жақсы көреді, бірақ бізге қатысты міндеттемелерді мойнына алғысы келмейді*. О том, что для русских респондентов *обязательства* в контексте личных взаимоотношений могут коррелировать с коннотацией вынужденности, подчинения внешнему давлению, свидетельствует также введение для *обязательств* характеристик *новые, подобные, лишние*, чего не было в переводах на казахский язык.

Заключение

Выбор лексического средства для интерпретации личностного смысла, заданного коммуникативной ситуацией, предполагает интенцию субъекта акцентировать наиболее значимый аспект содержания (значимость для себя). С другой стороны, целеполагание субъекта ориентировало выбор на вариант, наиболее эффективный и для других потенциальных участников коммуникативной ситуации (значимость для других), что канализировало поиск на соответствие коллективным убеждениям в способе референции определенных аспектов содержания. Таким образом, ориентирующий принцип формирования дискурса можно сформулировать как **принцип конвенциаль-**

ной значимости, реализующийся в стремлении использовать форму, максимально соответствующую личному переживанию смысла, и одновременно с ориентированием на конвенциональное установление и личный языковой опыт в подобных коммуникативных ситуациях. Вне зависимости от природы объекта референции, экстенционального или интенционального, респонденты учитывали конвенциональность языкового средства. Ориентирующее действие принципа конвенциональной значимости в казахском дискурсе межличностных отношений обусловило при выборе средства интерпретации смысла конкретизацию сферы взаимодействий между людьми (семейных или деловых, дружеских или официальных). Для выражения схожих смыслов русские респонденты не нуждались в подобных уточнениях. Для русских респондентов оказалось достаточным соотнести *пара* и *партнер* для смыслов, актуализированных французскими *couple* и *partenaire*. Казахские респонденты искали формы с ориентацией на подобные коммуникативные ситуации, одобренные традицией, и соответствующие этому формы. В выборе средств для референции межличностных отношений как референциального объекта для казахских респондентов опорной точкой чаще выступало социально значимое, подкрепленное институционально и традицией действие. Социокультурные конвенции русского дискурса межличностных отношений стали условием введения в переводы коннотаций обременения, вынужденности, исполнения долга по внешним обязательствам.

Список источников

1. Алимуратов О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д., 2004. 47 с.
2. Ван Дейк Т. А. Дискурс и знание // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). С. 5—23.
3. Вдовиченко А. В. Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 42 с.
4. Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2015. 383 с.
5. Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славян. культуры, 2005. 424 с.
6. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
7. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2009. 39 с.
8. Монгилева Н. В., Мухаметжанова Р. С. Диспозитивный принцип как инструмент анализа интерпретирующего потенциала дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Челябинск, 2022. Ч. 1. С. 75—81.

9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: (Референц. аспекты семантики местоимений). М., 1985. 271 с.
10. Постникова С. В. К вопросу о референциально-прагматической природе языковых знаков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Серия Филология. 2001. № 1 (2). С. 202—207.
11. CNRTL (Centre national de ressources textuelles et lexicales). URL: <https://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 05.05.2022).
12. Lewis D. K. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, MA, 1969. 213 p.
13. Larousse. *Dictionnaire de français*. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 05.05.2022).
15. Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language*. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam; Philadelphia, 2017. 171 p.
16. Zlatev J. *Language, embodiment and mimesis / Body, Language and Mind*. Vol. 1. Embodiment, T. Ziemke, J. Zlatev and R. Frank (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 297—337.

References

1. Alimuradov OA. *Znachenie, smysl, koncept i intencional'nost'*: Sistema korrelyacij = Significance, meaning, concept and intentionality: the system of correlations. Abstract of the thesis. Rostov on Don; 2004. 47 p. (In Russ.).
2. Van Dejk TA. *Discourse and knowledge. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*. 2013;(13(156):5-23. (In Russ.).
3. Vdovichenko AV. *Grekoazychnye biblejskie teksty v predmetnoj i diskursivnoj modelyah opisaniya = Greek-language biblical texts in subject and discursive models of description*. Abstract of thesis. Moscow; 2014. 42 p. (In Russ.).
4. Dubrovskaya OG. *Sub'ektnyj princip formirovaniya sociokul'turnoj specifiki diskursa = The subjective principle of the socio-cultural specifics formation of the discourse*. Thesis. Tambov, 2015; 383 p. (In Russ.).
5. Jokoyama OB. *Kognitivnaya model' diskursa i russkij poryadok slov = Cognitive model of discourse and Russian word order*. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2005. 424 p. (In Russ.).
6. Kibrik AA. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspective = Discourse analysis in a cognitive perspective*. Abstract of the thesis. Moscow; 2003. 90 p. (In Russ.).
7. Magirovskaya OV. *Reprezentaciya sub'ekta poznaniya v yazyke = Representation of the subject of cognition in language*. Abstract of the thesis. Tambov; 2009. 39 p. (In Russ.).
8. Mongileva NV, Muhametzhanova RS. *Dispositive principle as a tool for analyzing the interpretive potential of discourse*. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2022. Pp. 75—81. (In Russ.).
9. Paducheva EV. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: (Referenc. aspekty semantiki mestoimenij) = Statement and its correlation with reality: (Referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow; 1985. 271 p. (In Russ.).
10. Postnikova SV. *On the issue of the referential-pragmatic nature of linguistic signs. Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo: Seriya Filologiya = Bulletin of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky: Series Philology*. 2001;1(2):202-207. (In Russ.).
11. CNRTL (Centre national de ressources textuelles et lexicales). Available from: <https://www.cnrtl.fr> (accessed 05.05.2022). (In French).
12. Lewis DK. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, MA; 1969. 213 p.
13. Larousse. *Dictionnaire de français*. Available from: <https://www.larousse.fr/> (accessed 05.05.2022). (In French).
14. Reverso Context. Available from: <https://context.reverso.net/> (accessed 05.05.2022).
15. Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 2017. 171 p.
16. Zlatev J. *Language, embodiment and mimesis*. In: Ziemke T, Zlatev J and Frank R (eds.). *Body, Language and Mind*. Vol. 1. Embodiment. Berlin: Mouton de Gruyter; 2007. Pp. 297—337.

Информация об авторах

Н. В. Монгилёва — кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры иностранной филологии.

Р. С. Муханбетжанова — магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры иностранной филологии.

Information about the authors

Natalya V. Mongilyova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Philology Department.

Rosa S. Mukhanbetzhanova — Master of Humanities, lecturer, Foreign Philology Department.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 14.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.